

Войдя в ближайшую дверь, он был встречен криками нескольких человек одновременно.

— Спасите нас!

— Выпустите нас!

— Вы не имеете права этого делать!

— Вы не можете этого сделать! Это бесчеловечно!

По бокам коридора выстроились камеры с толстыми дверями и щелями, едва достаточными для того, чтобы их обитатели могли выглянуть наружу. Сюда помещали сумасшедших, не поддающихся лечению... Он должен был вывести их отсюда.

— Кто вы? — спросила обитательница камеры, молодая девушка-подросток. По ее акценту было легко определить, что она тоже немка, хотя они были в гораздо лучших условиях, чем остальные. По крайней мере, у них не было видимых повреждений, что было маленьким благословением по сравнению с тем, что было до этого. — Вы здесь для того, чтобы...

— Я здесь, чтобы спасти вас. Просто веди себя тихо, и я вытащу тебя, — заверил он.

«У Октавиуса новый вкус.»

Он усмехнулся и сломал замок, выпуская девушку из камеры. Он понятия не имел что вызвало изменение фокуса, но в данный момент ему было все равно. Октавиус больше никогда не будет никого оперировать, и на этот раз Де Вульфа не будет здесь, чтобы помешать ему.

Освободить остальных было достаточно просто. Он повёл их к выходу, позволяя им говорить «спасибо» и «вы спасли мне жизнь», вежливо кивая. Несколько человек заплакали при виде гротескных тел на столах. Семья или друзья? В конце концов, это не имело значения. Боль останется с ними, и он ничего не мог сделать, чтобы изменить это, но он позаботится о том, чтобы Октавиус заплатил за это.

— Позвоните в полицию, когда сможете.

Дав указание, он повернулся и побежал обратно в убежище, прежде чем услышал их ответ.

Повторяя свои шаги, он пронёсся через подвал и миновал почти лабиринтные коридоры сумасшедшего дома. Бандитов больше не было, по крайней мере, насколько он мог судить. Должно быть, Октавиус был в отчаянии, наняв такое малое количество наёмных убийц в качестве помощников.

Перед ним оказалась дверь, которая бросалась в глаза.

«Дерево выглядит новым, и табличка с золотым тиснением «Доктор Отто Октавиус» — явно недавнее дополнение. — Не мог оставить это без внимания, да, док?»

Он оторвал ее с небольшим треском. Даже когда он проводил эксперименты в ветхой психушке и похищал людей с улиц, он все еще держался за свою гордость...

Полагаю, что этому не следует удивляться.

Открыв дверь так тихо, как только мог, он увидел комнату гораздо шире, чем ожидал. Помещение было большим, в нем легко могли поместиться десятки людей одновременно. По чистым стенам легко было предположить, что она была построена недавно. Однако, несмотря на большие размеры, она была почти пустой. Здесь не было никаких удобств, ничего, кроме нескольких разбросанных книг и валявшихся по полу протезов.

...А в конце комнаты на него смотрела залитая кровью фигура.

Октавиус не повернулся при входе, продолжая что-то бормотать про себя. Перед ним стояло... он не знал, как это описать: очевидно, это был какой-то механизм, но за все время своего обучения он не мог припомнить ни одной машины, создающей светящиеся голубые порталы.

Перешагивая через разбросанные протезы, он приблизился к калеке-мяснику. Он мог бы застрелить его прямо здесь и сейчас, покончить с его жизнью так, чтобы тот не узнал...

Нет. Ему необходимо было увидеть, узнать.

— Что я делаю не так? — Доктор ударил руками по подлокотникам кресла-каталки, а щупальца, встроенные в сиденье, беспорядочно замахала в ответ. Он продолжал бормотать себе под нос, одна щупальца потянулась к порталу, но затем отступила назад с приглушённым проклятием. — Я так близко! Еще несколько шагов, и я смогу покинуть это забытое место, — Он покачал головой. — Возможно... Возможно, еще одно испытание...

— Не выйдет, ты, пакостный придурок.

Признаться, видеть, как его бледное лицо становится еще бледнее, было приятно. Он оказался лицом к лицу с ублюдком, который разрушил жизнь его друга и многих других. Он выглядел так же, как и всегда, если не считать мешков под глазами и исхудалого вида, словно не спал несколько дней. Это могло бы вызвать жалость, если бы он не был весь в крови и не сидел на стуле, полном ножей.

— Ты...

Это было все, что он успел сказать, прежде чем Человек-паук схватил его за шею и швырнул через всю комнату, оторвав от единственного оружия, которое он мог использовать. С отвращением посмотрев на искорёженное кресло-каталку, он схватился за щупальца и сорвал их с петель. На этот раз никаких ошибок, он не собирался сбежать.

— Что ты здесь делаешь? — прошипел Октавиус, пытаясь отползти от разъярённого мстителя.

Человек-паук снова отшвырнул его, бросив в кучу выброшенных протезов. В стороне от него пульсировал портал, то появляясь, то исчезая, но он не обращал на него внимания. Его паучье чутье не предупреждало о опасности все это время, пока он находился в этой комнате, и он мог понять из его комментариев, что, что бы это ни было, оно все равно не работает. Над чем бы он ни работал, это могло подождать до поры до времени.

— Опять за старое, Октавиус? — Он поднял его и прижал к стене. Это вернуло его назад... несколько месяцев назад он имел наглость улыбаться ему, обращаться с ним как с другом после убийства Преступного Мастера; как будто он сделал ему одолжение, а не просто спас свою шкуру. Он был готов задушить его, заставить заплатить за все, что он сделал, пока Де Вульф не убедил его в обратном.

Что ж, теперь второго шанса не будет.

— Как ты...

— Ты не такой тихоня, как думаешь! — Он зарычал. — Ты ничего не мог с собой поделать, да? Просто пришлось вернуться после того, как тебя поймали в первый раз? — Он ударил его в бок, вызвав крик боли у сумасшедшего доктора. — И теперь ты делаешь это снова, со своими собственными земляками! До каких глубин ты не опустишься, больной ублюдок?!

— Они отвергли меня! — кричал он, вызываясь скалясь. — Они... Они назвали меня калекой! Непригодным для расы хозяина из-за моих врождённых дефектов! Мои исследования и достижения могли бы произвести революцию, изменить все! Но они отвергли меня, и теперь они годятся лишь на то, чтобы быть моими подопытными! Конечно, предпочтительнее были те, кто обладал высшей породой, из них получались бы лучшие животные...

Его тирада прервалась, когда Питер обхватил его обеими руками за шею, чтобы задушить. Глаза этого чудовища расширились, рот приоткрылся, чтобы выкрикивать проклятия или молить о пощаде; в любом случае ему было все равно. Мясник был вне всякого искупления, он не мог надеяться на изменения. Даже когда его отвергали те, чьей идеологии он следовал, он просто обращал свое безумие на них.

И даже тогда он чувствовал колебания. Нацисты не защищали его сейчас, никто не поручится за него, если он позволит Де Вульф и остальным полицейским арестовать его...

<http://tl.rulate.ru/book/103272/3627300>